

Лу Цяо стоял на ковре, задрал голову и глядя на стену с отсутствующим видом.

Мо Ханьчжоу отложил планшет, подъехал к нему на кресле и спросил:

— Что случилось?

Лу Цяо указал на картину:

— Что делать с этой картиной?

— С картиной? У меня есть идея.

Спустя несколько дней городской музей искусств получил безвозмездное пожертвование — классическую работу мастера Чжу Гэюня, принесшую ему славу. Все сотрудники музея были в восторге.

Еще через пару дней курьер доставил посылку в здание корпорации Юэ. Помощник принес ее в кабинет Юэ Илиня.

Мужчина, еще недавно полный амбиций, сейчас выглядел подавленным, его взгляд был тусклым.

Помощник осторожно произнес:

— Господин Юэ, вам посылка.

Юэ Илинь подошел и открыл ее. Его зрачки внезапно сузились.

Внутри была нефритовая печать времен династии Цин, эпохи Юнчжэн. Белоснежная, как жир, с фигурой мифического зверя наверху, она была украшена четырьмя иероглифами: Сокровище Сына Неба. Как законный наследник семьи Юэ, он разбирался в ценности антиквариата. Эта печать стоила от ста до двухсот миллионов.

Он взял приложенную записку, на которой острым почерком было выведено:

— С скромный дар, чтобы вернуть долг вежливости.

Ниже шла приписка, написанная явно другой рукой — более детской и неловкой:

— Больше не присылай, даже если пришьешь — не верну.

— ...

Услышав крик из кабинета, помощники за дверью понурили головы.

А чем же в это время занимались двое зачинщиков всех этих бед?

Они готовились к Рождеству!

Праздник приближался, в Пинчэне как раз пошел снег, и улицы наполнились атмосферой торжества. В компании Мо Ханьчжоу еще две недели назад начали украшать холл и столовую для сотрудников, а дома и вовсе не отставали: дядя Чжуан еще неделю назад вместе со

слугами принялся выбирать елку.

Конечно, такую важную задачу поручили главе семьи.

— Я хочу ту, самую большую! — заявил Лу Цяо.

— Хорошо, без проблем! — ответил дядя Чжуан.

В тот же день слуги принесли в дом огромную елку, выбранную хозяином, а Мо Ханьчжоу наблюдал за этим со стороны. В семье Мо на самом деле не было традиции отмечать Рождество с таким размахом, но времена меняются, и раз уж в доме появился новый хозяин, грех не добавить веселья.

Они купили массу украшений, не забыв про праздничный ужин и подарки. Лу Цяо с нетерпением ждал застолья, но к подаркам отнесся равнодушно.

— Ты совсем не ждешь подарков? — удивился Мо Ханьчжоу.

Лу Цяо растерялся и небрежно бросил:

— Жду, конечно.

— ...Твое лицо говорит об обратном.

Поняв, что у него на уме, Лу Цяо серьезно пояснил:

— Потому что у меня есть всё необходимое, и я не хочу чего-то особенного. А вот рождественский ужин — это другое дело, я жду его еще с прошлой недели!

Кто же виноват, что кухарка ходит с таким таинственным видом и постоянно излучает уверенность в успехе?

Мо Ханьчжоу вздохнул, глядя на своего глупенького супруга.

Суть рождественского подарка никогда не была в его содержимом. Разве может молодой человек ждать подарка от любимого человека? Это ведь и признание любви, и подтверждение статуса. Неужели он этого не понимает? Куда подевалась его обычная сообразительность? Настоящий маленький дурачок.

Канун Рождества и сам праздник в этом году выпали на выходные. Став семейным человеком, Мо Ханьчжоу стал заботливее относиться к подчиненным и не заставил менеджеров работать сверхурочно в такой день, да и сам не поехал в офис, что можно назвать чудом.

Мо Ханьчжоу подумал, что мог бы описать Лу Цяо выражение лица Фан Чжунбая, когда тот услышал эту новость: смесь сложности и нескрываемой радости. Проще говоря: Ура, выходные!

Конечно, Рождество хочется провести с любимым, но накануне Мо Ханьчжоу получил приглашение:

— Старина Мо, мы устраиваем рождественскую вечеринку у Вэнь Цзинжуя. Друзья, народу немного, не хочешь привезти Лу Цяо?

Мо Ханьчжоу уже предвидел ответ. Стоило ему спросить Лу Цяо, как тот с ожиданием закивал:

— Хочу!

И вот в субботу, в канун Рождества, Мо Ханьчжоу привез Лу Цяо в дом Вэнь Цзинжуня.

Вэнь Цзинжунь был сыном гостиничного магната, ему было двадцать шесть, холост, жил один в трехэтажной вилле, держал двух слуг, никаких животных, сплошная свобода. Одинокие люди иногда подвергаются дискриминации, например, на Рождество: друзья под предлогом того, что он такой бедный и одинокий, бесцеремонно оккупировали его дом для вечеринки, надеясь, что он еще и поблагодарит их за спасение от тоски.

Как и говорил Чэнь Чжаньцюань, гостей было немного, в основном те, кого Лу Цяо уже видел. Только в этот раз Цинь Ши привел своего парня — звезду экрана, которого Лу Цяо видел по телевизору. Сам Цинь Ши был холодным, а вот его парень оказался обаятельным, разговорчивым и очень красивым.

Увидев его, Лу Цяо на мгновение замер, а после дежурных приветствий направился прямо к нему:

— Привет, я Лу Цяо.

Он протянул руку.

Красивый, с ноткой женственности юноша был ошеломлен. В их кругах, среди геев, было немало людей, но даже просто быть признанным парнем какого-нибудь влиятельного человека — уже удача, а о браке в богатую семью и мечтать не приходилось. Статус Лу Цяо был несоизмеримо выше, и то, что он сам заговорил с ним, было неожиданностью.

Он поспешно протянул руку:

— Я Чжоу Жохуэй.

— Приятно познакомиться, господин Чжоу.

Лу Цяо собрался с духом и медленно произнес:

— Ты ведь гей, верно?

Чжоу Жохуэй замялся:

— ...Наверное, да.

Раз уж он встречается с мужчиной, мог ли он отрицать?

Лу Цяо очень деликатно добавил:

— Тогда не мог бы ты просветить меня насчет отношений между мужчинами? Я искал в интернете, но ничего не нашел. Ты первый гей из реальной жизни, с которым я познакомился.

Чжоу Жохуэй с сомнением в голосе спросил:

— Что именно тебя интересует?

Лу Цяо оживился:

— Методы, особенно поза наездника. Есть ли какие-нибудь познавательные видео?

Чжоу Жохуэй смотрел на невинного Лу Цяо и не мог поверить, что это говорит супруг из богатой семьи. Он представлял себе жену господина Мо как нечто степенное и тихое, что сильно отличалось от парня перед ним. Его робость исчезла.

Чжоу Жохуэй опустил голову и прошептал:

— У меня есть. Хочешь?

— Хочу! — выпалил Лу Цяо.

Они сразу нашли общий язык. Когда Пэй Цзичжи обернулся и увидел, как Лу Цяо увлеченно беседует с Чжоу Жохуэем, он почувствовал укол ревности. Чжоу Жохуэй был популярным актером, но до его уровня ему было далеко. Пэй Цзичжи подошел к ним, вливаясь в разговор:

— О чем болтаете?

Лу Цяо с любопытством посмотрел на него:

— Ни о чем особенном, просто мужские дела.

— Какие еще мужские дела? — улыбнулся Пэй Цзичжи, думая про себя: что за дела такие, о которых нельзя сказать ему? Разве он не мужчина?!

Чжоу Жохуэй, уважая старшего коллегу, замялся, пытаясь уберечь Пэй Цзичжи от падения в бездну. Но Лу Цяо, видя его неподдельный интерес, ответил:

— Мы обсуждаем, как мужчинам заниматься сексом, особенно про позу наездника, способы стимуляции и игрушки...

Пэй Цзичжи отрезал:

— Прошу прощения!

Лу Цяо повернулся к Чжоу Жохуэю:

— Пэй Цзичжи что, гомофоб?

— Вряд ли. Раньше он защищал гримера-гея на съемочной площадке, когда еще не был так знаменит.

— Значит, он неплохой человек. О, кстати, насчет той темы, есть один магазин с хорошей одеждой, они шьют на заказ, я скину тебе вичат владельца...

Лу Цяо впервые пообщался с «коллегой по цеху», обменялся контактами и, чувствуя полное удовлетворение, вернулся к Мо Ханьчжоу.

— О чем болтал с другом? — спросил тот.

— Секрет! — улыбнулся Лу Цяо.

Мо Ханьчжоу прищурился:

— У глупенького поросенка появились свои секреты?

— Даже если вы снова будете дразнить меня поросенком, я не скажу.

— ...

Постепенно все собрались, в гостиной стало шумно. В кухне Чэнь Чжаньцюань с девушкой руководили приготовлением ужина, Чэнь Дэн с другом играли в приставку. Лу Цяо взглянул на экран: о-хо-хо, уровень-то совсем низкий.

В гостиной стояло пианино, рядом с нарядной елкой. Чэнь Чжаньцюань сел за инструмент и заиграл, а компания двадцатилетних парней подпевала.

Когда музыка стихла, все зааплодировали. Чэнь Чжаньцюань скромно отмахнулся, мол, не стоит, но если вы настаиваете...

Лу Цяо в последнее время тоже учился играть на пианино. Он был занят рисованием, флористикой, посещением светских встреч, но благодаря этому выработал невероятную выносливость.

Лу Цяо похвалил Чэнь Чжаньцюаня:

— Вау, вы просто бог фортепиано! Нераскрытый Шопен, Лист, о котором не знают массы!

Чэнь Чжаньцюань «застеснялся»:

— Перехвалили, перехвалили. Куда мне до господина Мо, вот он — настоящий бог музыки. Помню, как на столетии университета он сыграл Лунную сонату, разбив немало сердец, но он ни на кого не смотрел, оказывается, ждал супруга.

Мо Ханьчжоу лишь улыбался:

— Как ни хвали, я не буду открывать черный ход для твоей компании.

— Ну как же так... правда совсем нельзя?

Его жалкий вид вызвал взрыв хохота. Только Лу Цяо во все глаза смотрел на Мо Ханьчжоу.

— Хочешь, чтобы я сыграл? — спросил Мо Ханьчжоу.

Лу Цяо закивал.

— Что ж, можно попробовать.

После аварии Мо Ханьчжоу забросил музыку, и Чэнь Чжаньцюань специально упомянул об этом, чтобы он вернулся к своему хобби. Друзья начали подначивать его.

Мо Ханьчжоу с хитрой улыбкой добавил:

— Но только если А-Цяо сыграет со мной.

Лу Цяо без колебаний кивнул:

— Хорошо.

Настал черед Мо Ханьчжоу удивиться. Но раз сказал — надо делать. Он подъехал вплотную, Лу Цяо придвинул стул и сел рядом.

— Что сыграем?

— Пятую ночную фортепианную пьесу, я только ее умею.

— Хорошо.

Мо Ханьчжоу кивнул, и под его руководством первый звук сорвался с клавиш. Мелодия полилась по дому. Мо Ханьчжоу хотел лишь подшутить над Лу Цяо, ведь игра в четыре руки требует невероятной слаженности, обычно нужно несколько репетиций. Но они, играя впервые, чувствовали друг друга так, будто делали это сотни раз.

Мо Ханьчжоу был поражен. Лу Цяо улыбался, глядя на него, и эта улыбка была такой яркой, что он еще больше погрузился в исполнение.

Когда последний звук затих, в гостиной воцарилась тишина. Мо Ханьчжоу повернул голову к парню. Лу Цяо, будто прочитав его мысли, тоже посмотрел на него.

— Господин, у нас и правда отличное взаимопонимание, — прошептал он.

Мо Ханьчжоу слегка улыбнулся.

— Угу.

Лу Цяо подался вперед:

— Говорят, что у любящих людей бывает необыкновенная связь. Это про нас?

— Не знаю, — ответил Мо Ханьчжоу. — Но рискну предположить, что да.

— У меня есть идея, господин угадает?

Мо Ханьчжоу улыбнулся:

— Можно попробовать.

Он подался вперед и нежно коснулся губ парня. Вокруг слышались подначки, но они их уже не слышали.

После поцелуя Мо Ханьчжоу спросил:

— Еще сыграем?

Лу Цяо огорчился:

— Но я знаю только эту.

— Ничего, — ответил Мо Ханьчжоу с детской игривостью в голосе. — Муж тебя научит.

И начались мучения остальных гостей.

Время пролетело незаметно, пришло время ужина. Еды было много, и в этой шумной, суебливой атмосфере она казалась еще вкуснее. Лу Цяо съел любимую жареную курицу, фуа-гра и сыр, запив все грибным крем-супом.

После ужина они сели играть в карты.

Чэнь Чжаньцюань торжественно объявил:

— Никаких поддавок! В картах друзей нет, ясно?

Но тут его девушка села напротив.

— ...Но можно сделать исключение для жены, — быстро переобулся он.

— Вали отсюда, ты выбываешь!

Лу Цяо и Мо Ханьчжоу были заодно, супруги — одна команда. Лу Цяо играл агрессивно: если карты хорошие — он разносил всех, если плохие — блефовал так, что соперники отдавали лучшие карты. Мо Ханьчжоу наблюдал за ним с восхищением.

В какой-то момент Мо Ханьчжоу подсказал:

— Выкладывай туза.

Лу Цяо просиял:

— Туз!

— Побить нечем! — взвыл Чэнь Чжаньцюань. — Старина Мо, ты можешь не считать карты? Мы просто играем, не надо применять свои бизнес-штучки!

— А что мне еще делать? — невозмутимо ответил Мо Ханьчжоу. — Если карты соперника такие плохие, я должен постараться выиграть.

Поскольку техника игры этой парочки была слишком «грязной», остальные заставили их играть друг против друга.

— А-Цяо, ты правда будешь играть против меня? — спросил Мо Ханьчжоу.

Лу Цяо замялся.

— В картах нет супругов! — крикнул Чэнь Чжаньцюань.

— Но мы — супруги, — возразил Мо Ханьчжоу.

В итоге Лу Цяо, закрыв глаза, выложил пару тузов.

Игра накалялась. В конце концов, Лу Цяо проиграл, но Мо Ханьчжоу улыбнулся:

— В следующий раз я выиграю еще красивее и просчитаю все твои карты.

— Я тоже.

— Хватит!! — взревел Чэнь Чжаньцюань. — Это просто карточная игра, умоляю, перестаньте демонстрировать свою любовь!

После игры кто-то пил вино, кто-то смотрел матч, кто-то играл в детские игры. Чэнь Дэн, проигравший Лу Цяо, был недоволен:

— Спорим на другую игру?

— Какую? — спросил Лу Цяо.

Мо Ханьчжоу хотел остановить его, но потом махнул рукой: пусть А-Цяо научит его жизни.

Через некоторое время из комнаты донеслись вопли Чэнь Дэна.

Чэнь Чжаньцюань, увидев брата с потерянным видом, спросил у Мо Ханьчжоу:

— Что с ним?

— Вероятно, ребенок переосмысливает картину мира, не обращай внимания, — уклончиво ответил Мо Ханьчжоу.

— ...Странно это все!

Ближе к одиннадцати часам вечера все наконец решили расходиться. На улице стоял лютый холод, но, к счастью, они находились на подземной парковке, где можно было подняться на лифте прямо к машине, да и отопление работало исправно.

Лу Цяо и Мо Ханьчжоу, держась за руки, спустились на парковку и отпустили друг друга лишь тогда, когда пришло время садиться в автомобиль. Оказавшись в салоне, Лу Цяо снова повернул голову к мужчине, сидевшему рядом.

Внутри машины царил полумрак. После шумной рождественской вечеринки тишина показалась особенно ощутимой, и мысли в голове постепенно вернулись к своему привычному, размеренному темпу.

Мо Ханьчжоу повернулся и посмотрел на юношу, который пристально, с каким-то странным выражением глаз, наблюдал за ним.

— Что такое? — спросил он.

Лу Цяо медленно открыл рот:

— Хочу подержаться за руки.

В глазах Мо Ханьчжоу промелькнула улыбка, и он протянул ему ладонь:

— Если хочешь подержаться — держись.

Роскошный Роллс-Ройс умчал молодоженов домой, и всю дорогу в машине они не разжимали рук.

Так как было уже поздно, а оба они заботились о здоровье, никаких дальнейших событий за этим не последовало. Лу Цяо первым принял душ и послушно улегся под одеяло, а вскоре к нему присоединился и Мо Ханьчжоу.

Когда свет погас, вокруг воцарилась темнота, лишь несколько лунных лучей пробились сквозь гостиную и легли мягким серебристым сиянием на край дивана.

Пальцы Лу Цяо задвигались по постели, но стоило им сделать пару движений, как чья-то рука преградила им путь.

Его пальцы перехватили, а затем крепко сжали всю ладонь, переплетаясь с ней и прижимая к себе.

Луна тихонько подмигнула, и, укутанный в мягкое одеяло, источавшее едва уловимый аромат, Лу Цяо медленно закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/19167/1882010>